

Воронин Владимир Сергеевич

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛОГИКА "БЕДНЫХ ЛЮДЕЙ" Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Данная статья посвящена исследованию художественной логики раннего Достоевского в её связи с многозначными логическими системами, фантазией и абсурдом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/14.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 57-60. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosoy_hist@gramota.net

УДК 83.3(4Рус)4

Данная статья посвящена исследованию художественной логики раннего Достоевского в её связи с многозначными логическими системами, фантазией и абсурдом.

Ключевые слова и фразы: неопределённость и её прояснение; система неопределённостей; уравнение противоположностей; спасение за счёт усложнения; логика переменного основания; законы фантазии; абсурд.

Владимир Сергеевич Воронин, д. филол. н., доцент

Кафедра филологии

Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета

voroninvs@rambler.ru

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛОГИКА «БЕДНЫХ ЛЮДЕЙ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО[©]

Фантастический реализм Достоевского выходит далеко за пределы классической логики и вполне естественно включает в себя фантазию и абсурд, активно использует сложное взаимодействие неопределённостей и целый ряд переходных ступеней между полюсами изображаемого мира. Научная мысль давно поставила вопрос о «нелепой связи событий» [8, с. 96] в художественных произведениях Ф. М. Достоевского. Как писал Ю. М. Лотман, «непредсказуемость или даже нелепость у Достоевского – черта не только скандала, но и чуда. Оба эти полюса, знаменующие конечную гибель и конечное спасение, имеют общую черту немотивированности и незакономерности. Таким образом, эсхатологический момент мгновенного и окончательного решения не привносится в эту жизнь извне, а обретается в ее собственной толще» [9, с. 30]. Однако чудо у Достоевского заметно проигрывает скандалу и гибели, мотивированной средой и обстоятельствами. Так, в «Бедных людях», чудесным образом доказав свою правоту, умирает чиновник Горшков. Его победа в жизненной схватке становится и его поражением. Эта активность уравнения противоположностей ($A = \text{не-}A$) позволяет говорить не о противопоставленности полюсов противоположностей в художественном мире Достоевского, а об их постоянной взаимосвязи. Какой полюс восторгается – это во многом дело случайности. Б. И. Бурсов видел отличительную черту Достоевского в «непрестанной борьбе между верой в человека и мир и сомнением в человеке и мире» [2, с. 30]. Г. С. Померанц усмотрел в творчестве Достоевского особое «кружение в бездне, парение, которое само по себе становится опорой» [10, с. 7]. С одной стороны, это опора на пустоту. С другой стороны, парение – это промежуточное состояние между полётом и падением. Как отмечает целый ряд исследователей, промежуточность, переходность, пороговость – характерные черты художественного мироздания Достоевского. По эмоциональному замечанию Вяч. Иванова, «Достоевский был змий, открывший познание путей отъединенной, самодовлеющей личности и путей личности, полагающей свое и Вселенское бытие в Боге. Так он сделал нас богами, знающими зло и добро, и оставил нас, свободных выбирать то или другое, на распутье» [4, с. 283]. Заметим себе, и здесь подчеркнута промежуточная остановка читателей между добром и злом, между людьми, ставшими богами, и Богом.

Поэтому исследование творчества Достоевского – под углом многозначной логики – насущная необходимость. В первом приближении – это трёхзначные логические системы. Во втором – логики переменного основания.

Любопытно, что Белинский, оценивая Петербург как особое место испытания человека, прибегал не к двоичной, а к троичной системе оценок. Вот что писал он в письме к Боткину: «Питер имеет необыкновенное свойство оскорблять в *человеке* все святое и заставить в нем выйти наружу все сокровенное. Только в Питере человек может узнать себя – человек он, получеловек или скотина» [1, с. 418].

Поливекторность собственного творчества волновала самого писателя. У него, по всей видимости, не раз возникало сильное желание сделать свои произведения более однозначными. Снова привлёк к этому внимание Ю. Карякин. В черновых вариантах к «Преступлению и наказанию» есть такая запись: «...уничтожить неопределенность, то есть *так или этак* объяснить все убийство» [5, с. 17]. Первый публикатор и комментатор черновики романа И. И. Гливенко заметил, что «уничтожить неопределенность Достоевскому не удалось» [Там же, с. 18]. Такой закон фантазии, как исчезновение объектов, тесно связан с двоичной логикой выбора, с «да» или «нет». А сохранение неопределённостей свидетельствует о более сложной логике, где к истине и лжи добавляется ещё одно значение – неопределённость. Неопределённость и неоднозначность – существенные черты поэтики Достоевского, начиная с его «Бедных людей» и «Двойника». Сам Достоевский пришёл к следующему экзистенциальному выводу: «Бытие только тогда и есть, когда ему грозит небытие. Бытие тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие» [4, с. 618]. Итак, в общих чертах можно наметить систему неопределённостей, возникающую в художественном мире Достоевского. Это предельно широкая пара противоположностей бытия и небытия, проявляющая себя только при сближении полюсов, образуя некое инобытие. Затем – персонажи между добром и злом, Богом и дьяволом, достаточно свободно движущиеся между этими полюсами, наконец, сам автор с его творческой фантазией «кружения в бездне».

Будем полагать, в соответствии с традиционными ценностями, что жизнь, здоровье, добро, Бог и подобные им явления и характеристики составляют положительный полюс художественного мира, и приписывать ему

значение истины, обозначая ее как «1». Противоположный ряд: смерть, болезнь, зло, дьявол и другие предметы этого ряда знаменуют собой отрицательный полюс художественного мира, и его естественно считать ложным и приписывать ему значение «0». В двоичной логике, где есть только «да» и «нет», этого набора вполне достаточно. Взаимодействие противоположностей оказывается ложным. Это можно пояснить следующей таблицей:

Таблица 1

A	Не-A	A и не-A
0	1	0
1	0	0

Остановимся на предыстории появления Вареньки в Петербурге, предопределенного смертью князя П-го, у которого ее отец служил управителем. Наследники князя отказывают отцу от места, и ее семья переезжает в Петербург, где отец рассчитывает добиться справедливости. Героиня будто предчувствует, что ее ждет нечто ужасное: «Я помню, что я бросилась на шею батюшке и со слезами умоляла остаться хоть немножко в деревне. Батюшка закричал на меня, матушка плакала» [3, с. 27]. Понятно, что мать в чем-то поддерживает дочь, но разрешение этой неопределенности нетрудно предвидеть: мнение батюшки окажется решающим. В ситуации выбора находится глава семейства, и он лишь впоследствии понимает, что сделал ошибочный выбор. Однако его дочери это ясно интуитивно.

Картину сельского приволья при въезде в Петербург сменяет замкнутое ограниченное пространство. Героиня обращает внимание на грязь и малолюдность петербургских улиц. Вряд ли в деревне в осеннюю распутицу было больше прохожих и менее грязно, но в общем эмоциональном ключе Петербург по всем пунктам сравнения в восприятии Вари проигрывает деревне. Просто девушке интуитивно ясен общий неблагоприятный ход дела. Не случайно толпа, встретившаяся им при въезде в город, и группа лиц, посещающих их дом, имеют типологически сходные характеристики. В двужначной логической системе истинное и ложное не могут сосуществовать. Она не допускает противоречия. Достоевский всевозможными способами подчеркивает ошибочность выбора своего персонажа. Открытое пространство деревенской жизни сменилось замкнутым пространством домика в Петербурге. Петербургское пространство оказалось закрытым и в отношении служебного места, здоровая обстановка в семье сменилась болезненной. Он начинает мучить дочь и жену. Но, как объясняет Варя Доброселова: «И это совсем не оттого, чтобы батюшка не любил меня: во мне и матушке он души не слышал. Но уж это так, характер был такой» [Там же, с. 29]. Действительно, выражения «души не чаял» и «души не слышал» отличаются друг от друга. Последнее указывает на глухоту и в плане этимологии переключается с абсурдом. Перед нами противоречивый характер, соединяющий любовь и мучительство. В двужначной логической системе это необходимо кончается катастрофой, а в плане законов фантазии исчезновением объекта, в данном случае, отца Вари из сферы земного бытия.

Разумеется, исчезновение батюшки ведет к умноженному и внезапному возникновению враждебной силы: «Только что скончался батюшка, кредиторы явились к нам как из земли, нахлынули гурьбою». Дочь и мать лишаются последнего своего прибежища: «мы остались без крова, без пристанища, без пропитания <...> жить было нечем, впереди была гибель» [Там же]. Принцип двужначной логической системы готов реализоваться и в судьбах остальных членов семейства Доброселовых. Однако усложнение системы спасает её от немедленной гибели. Усложнение это не только внешнее (появление нового персонажа), но и внутреннее, касающееся логики поведения действующих лиц.

Приютившая их после смерти отца Анна Федоровна «поминутно попрекает их», «твердит о своих благодеяниях», которые на самом деле отсутствуют (A=не-A), в отношении к Вале переходит от попреков к грубой ласковости. Этой родственнице трудно угодить, потому что это - абсурдный тип характера. Варенька вспоминает: «За столом каждый кусок, который мы брали, следила глазами, а если мы не ели, так опять начиналась история: дескать, мы гнушаемся» [Там же, с. 31]. Таким образом, проблема еды, а шире, каждодневной жизни превращалась уже в трехзначную логическую систему. Нельзя было ни есть, ни не есть, следовало бы изобрести нечто третье. Вероятно, есть следовало каким-то особенным образом, может быть, благодаря свою благодетельницу за каждый кусок... Конечно, их хозяйка желала быть полным властелином над своими новыми домочадцами, и они почти предоставили ей это право. И вдруг оказывается, что жизнь на равенстве противоположностей возможна: «Анна Федоровна мало-помалу утихала, по мере того как сама стала вполне осознавать свое владычество» [Там же]. Существует и логическая система, допускающая равенство противоположностей в одном из трех случаев. Для логики Лукасевича отрицание и взаимодействие противоположностей дается следующей таблицей:

Таблица 2

A	Не-A	A и не-A
0	1	0
1/2	1/2	1/2
1	0	0

Пограничная область между истиной и ложью обозначена здесь как $1/2$. Любовная история со студентом Покровским тоже вписывается в эту логическую систему, в которой равновесие противоположных начал обеспечивает возможность истинности циклического перехода упадка и возрождения, ненависти и любви, смерти и здоровья. И в своих записках Варя как раз выделяет этот момент взаимоперехода противоположностей ($A=не-A$): «Раз мы раздразили его чем-то чуть не до слез, и я слышала ясно, как он прошептал: «Злые дети». Я вдруг смутилась; мне стало и стыдно, и горько, и жалко его» [Там же, с. 32]. Отметим особо чувство жалости. Жалость в русском фольклоре, ряде литературных произведений предваряет любовь.

Выясняется, что в судьбе матери студента заинтересованное участие принимал помещик Быков, будущий совратитель Вареньки, и вполне возможно, что героиня рискует повторить судьбу матери своего избранника, а сам Покровский, возможно, незаконнорожденный сын Быкова. Сближению молодых людей способствует то, что могло бы их поссорить. В комнате студента, так любившего порядок и книги, девушка обрушивает полку с книгами. Повествуя о своих злключениях, она наделяет сознанием гвоздь: «Однако ж я толкнула книги как только могла сильнее. Ржавый гвоздь, на котором крепилась полка и который, кажется, нарочно ждал этой минуты, чтоб сломаться, – сломался» [Там же, с. 36]. Сраживание признаков гвоздя и человека проведено здесь в рамках двоичной логической системы. Гвоздь не выдерживает, ломается, в некотором смысле исчезает. Но люди сложнее. Если в их отношениях действует более сложная, троичная логика, катастрофы не происходит. Напротив, это вторжение в чужую комнату привело к тому, что учитель обратил, наконец, внимание на свою воспитанницу как на девушку. Личные отношения Вареньки и ее избранника – это именно сосуществование противоположностей. В момент признания она «и плакала, и смеялась, и опять плакала, краснела, не могла слова вымолвить от радости» [Там же, с. 38]. Однако неопределенность болезни и здоровья самого студента раскрывается по-другому. С грустной иронией Варя пишет о нем: «В эти два месяца он неутомимо хлопотал о способах жизни, ибо до сих пор не имел определенного положения. Как и все чахоточные, он не расставался до последней минуты своей с надеждою жить очень долго» [Там же, с. 43]. На самом же деле он занимает неопределенное положение между жизнью и смертью, которое раскрывается как его гибель. Безысходность финала усугубляет мрачная пейзажная зарисовка: за отдернутым занавесом «начинающийся день был печальный и грустный, как угасающая бедная жизнь умирающего» [Там же, с. 45]. Логика Лукасевича заменяет логическая система Гейтинга, где отрицание и взаимодействие противоположностей можно пояснить следующей таблицей:

Таблица 3

A	не-A	A и не-A
0	1	0
1/2	0	0
1	0	0

В логических координатах системы Гейтинга развивается любовная линия Добросёловой и Девушкина, при взаимной симпатии некоторая навязчивость Макара встречает отпор Вари. С другой стороны, когда ее одолевают недуги и недруги, она зовет Девушкина в гости, призывает его не опасаться мнения посторонних. На что Макар Алексеевич отвечает: «...да как же мне ходить к вам так часто, маточка, как? я вас спрашиваю». Однако тут же герой начинает противоречить сам себе, выясняется, что он во время болезни Вари ее «почти совсем не покидал». Сплетня об их отношениях уже возникла, так что бояться вроде бы нечего. Все дело в том, что Макар Алексеевич привык путать видимость и сущность, кажимость и действительность, уверять самого себя в прямо противоположном. Во время болезни Вари, перебиваясь кое-как, продав новый вицмундир, он уверяет свою корреспондентку в противном: «Кто это говорит вам, что я похудел? Клевета, опять клевета! Здоровёхонек и растолстел так, что самому становится совестно, сыт и доволен по горло; вот только бы вы-то выздоравливали!» [Там же, с. 26]. Мы видим, что здесь правило чистого абсурда $A=не-A$ поставлено в соответствие с тем, что адресат должен непременно выздороветь. Бедный человек может помочь другому только самоотречением от самого себя. Логическая система всех успешных выздоровлений в «Бедных людях» – это именно логика Лукасевича, допускающая вероятность сосуществования противоположностей и обеспечивающая цикл. Именно при болезни матушки, поставив саму себя на грань исчезновения, Варя смогла ее спасти и вызвать любовь к себе со стороны студента Покровского. Наиболее счастливый день, описанный в «Бедных людях», – день рождения студента Покровского – тоже подчиняется этой же логической системе. Варя и его отец соединяют свои капиталы, чтобы купить одиннадцать томов сочинений Пушкина. Большую часть денег вносит девушка, и старик просит от себя подарить один том, а все остальное подарит она. Варя всё переиначивает, пусть всё от себя подарит сам старший Покровский, и это будет означать, что он смог скопить нужную сумму и бросил пить. Большое значение писатель придавал не только сосуществованию и борьбе противоположностей, но и их циклическому чередованию. Как заметил Ю. Г. Кудрявцев, «герои романов писателя часто и проходят этот путь: нормальная жизнь – падение – воскресение» [6, с. 191]. Сказано в рамках логики Лукасевича, обеспечивающей этот цикл с вероятностью $1/3$. Увы! Не часто! В «Бедных людях» до спасительной станции в полном смысле слова не добирается никто. А как «часто» это для главных героев «Братьев Карамазовых» или «Идиота»?

Для Макара Девушкина этот процесс писатель считает нужным несколько раз реализовать в разнообразных циклах от ухудшения обстоятельств к их улучшению. Автор иногда подчёркивает двойственность подобных эпизодов. В возвышении может таиться и падение обратно, в падении – заключаться некоторое возвышение.

Вспомним трагикомический эпизод с пуговицей, упавшей к стопам его превосходительства. Ожидаемый разнос сменился участием со стороны начальства. Но признание человеческого равноправия, пусть на какой-то короткий момент, оборачивается в подчиненном приступом самоуничужения «его превосходительство сами мне, соломе, пьянице, руку мою недостойную пожать извоили! Этим они меня самому себе возвратили» [3, с. 93]. Возвышение со стороны сопровождается унижением изнутри. Два эти процесса взаимодействуют (А и не-А в субъекте). Без аннигиляции этот процесс может протекать в логике Лукасевича в случае неопределенности исходных компонентов. Эти исходные компоненты таковыми и оказываются. Благорасположение его превосходительства – вещь непостоянная, равно как и самоуничужение Макара Алексеевича. Условно и финальное спасение Вареньки: заглаживая свою вину, помещик Быков женится на ней, но вряд ли она будет с ним счастлива.

Список литературы

1. **Белинский В. Г.** Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 13.
2. **Бурсов С. И.** К спорам о Достоевском // Достоевский: материалы и исследования. Л.: Наука, 1983. Т. 5. С. 27–31.
3. **Достоевский Ф. М.** Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1972. Т. 1.
4. **Иванов Вяч.** Достоевский и роман-трагедия // Иванов Вяч. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 282–311.
5. **Карякин Ю.** Достоевский и канун XXI века. М.: Сов. писатель, 1989. 656 с.
6. **Кудрявцев Ю. Г.** Три круга Достоевского. Событийное. Временное. Вечное. 2-е изд., доп. М.: Изд-во МГУ, 1991. 400 с.
7. **Литературное наследство.** М.: Наука, 1971. Т. 83. 800 с.
8. **Лосский Н. О.** Достоевский и его христианское миропонимание // Ф. М. Достоевский и Православие / сост. А. Н. Стрижев. М.: Отчий дом, 1997. С. 217–246.
9. **Лотман Ю. М.** Статьи по типологии культуры. Тарту: ТГУ, 1973. 216 с.
10. **Померанц Г. С.** Открытость бездне: встречи с Достоевским. М.: Сов. писатель, 1990. 384 с.

ARTISTIC LOGIC OF F. M. DOSTOEVSKII'S "POOR FOLK"

Vladimir Sergeevich Voronin, Doctor in Philology, Associate Professor
Department of Philology
Volzhsk Classical Institute (Branch) of Volgograd State University
voroninvs@rambler.ru

The author studies early Dostoevskii's artistic logic in its connection with many-valued logical systems, fantasy and absurdity.

Key words and phrases: uncertainty and its clarification; system of uncertainties; equation of opposites; rescue at the expense of complication; variable foundation logic; fantasy laws; absurdity.

УДК 78.01

В статье впервые рассматриваются функции и проявления музыкальных закономерностей фольклорного канона кыска-кюй в становлении и развитии башкирской национальной оперы, что способствует новому осмыслению проблемы «европейское – национальное» – одной из ведущих в отечественном музыкознании.

Ключевые слова и фразы: кыска-кюй (короткая песня); фольклорный канон; общеевропейский музыкально-стилевой канон; национальный академический музыкально-стилевой канон.

Гульназ Салаватовна Галина

Кафедра этномузыкологии

Уфимская государственная академия искусств им. Загира Исмагилова

gulnazgalinas@rambler.ru

РОЛЬ ФОЛЬКЛОРНОГО КАНОНА КЫСКА-КЮЙ В СТАНОВЛЕНИИ ВОКАЛЬНЫХ ФОРМ БАШКИРСКОЙ ОПЕРЫ®

Прообразами сольных вокальных форм в башкирских операх стали различные жанры башкирской народной музыки, среди которых немаловажную роль сыграл жанр и стиль кыска-кюй – так называемые короткие мелодии в размере 2/4, сложенные в форме периода и квадратной структуре, используемые исключительно для воссоздания радостных, эмоционально приподнятых, позитивных музыкальных образов. Такие темы в двудольной метрике и быстром темпе в башкирских операх применяются в самых различных целях. Прежде всего, для воплощения национального быта и характера, общего приподнятого настроения, образцами чего являются песня Юлая из оперы «Хакмар» М. Валиева (на фольклорной теме «Ирэндек»), куплеты Гайнуллы, сзывающего гостей в честь приезда сына Зайнуллы, и песня рыбака из «Волн Агидели» З. Исмагилова; песенка Ильяса из оперы «Современники» (на слог *ла*) Х. Ахметова, куплеты Шафика и Тухвата «Звонкие монеты падают на поднос» из оперы «Послы Урала» З. Исмагилова (слова народные). Все перечисленные примеры представляют собой типичную